

не
VII Всероссийский научный семинар

«Наследие Пушкина в XXI веке: филология и образование»

18 мая 2026 г.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ

18 мая 2026 г. в Псковском государственном университете (Псков) состоялся VII Всероссийский научный семинар «Наследие Пушкина в XXI веке: филология и образование», впервые организованный совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва). Настоящий семинар, как и предыдущие, посвящен широкому кругу проблем, связанных с изучением Пушкина в XXI веке, а также 75-летию профессора Натальи Леонидовны Вершининой (1951-2019), которая с 1992 года в Псковском государственном университете в качестве заведующего кафедрой, возглавила научную школу по проблемам изучения русской литературы, созданную профессором Е. А. Майминым, и продолжила развивать общекафедральную тему «Проблемы современного пушкиноведения».

В организационный комитет семинара вошли: доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН *Е.Е. Дмитриева*; кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций, русского языка как иностранного Псковского государственного университета *Н. В. Цветкова*, кандидат филологических наук, доцент, директор Института гуманитарных наук и языковых коммуникаций ПсковГУ *Н.С. Молчанова*; кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ *С.В. Лукьянова*. В семинаре приняли участие 18 докладчиков из Пскова, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода. Среди участников — ведущие научные сотрудники ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), преподаватели и студенты ПсковГУ.

Настоящий сборник тезисов отражает программу и круг вопросов прошедшего семинара. Он состоит из двух частей: первая «К 75-летию Н. Л. Вершининой» была посвящена памяти и научному наследию Натальи Леонидовны — автору более 300 научных трудов, члену пяти авторских

коллективов современных учебников для школы и вуза по Введению в литературоведение и Русской литературе XIX–XXI вв., опубликованных в издательствах «Просвещение», «Владос», «Олимп», «Оникс», «Русской слово», неоднократно переиздававшихся. За большой труд она была награждена почетными грамотами и знаками Псковского государственного университета, Областной Администрации и Государственного управления образования Псковской области, государственной наградой РФ «Медаль А.С. Пушкина». В 2018 г. Наталье Леонидовне Вершининой было присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Вторая часть семинара «Изучение Пушкина в науке XXI века» связана с первой и была посвящена обсуждению современных проблем исследования личности и творческого наследия Пушкина. В докладах открывались новые смыслы в прочтении пушкинских текстов (Е. Е. Дмитриева), дополнялись или выстраивались заново биографии современников Пушкина (О. С. Муравьева, А. В. Дубровский, Н. В. Цветкова), анализировалась история замысла и поэтика пушкинского стихотворения (Н. Л. Дмитриева). Наиболее обсуждаемой проблемой стала рецепция творчества Пушкина и его личности в творчестве поэтов XIX - XXI вв. (А. Г. Разумовская), в статьях критиков разных литературных эпох: пушкинской (Д. М. Никитина), в начале XX в. (М. А. Ариас), в зеркале французской славистики XXI в. (Ю. А. Маричик-Сьоли). На семинаре обсуждались проблемы современного прочтения романа «Евгений Онегин» в театре и кино (Н. Д. Стрельникова) и современной мифологии «Пушкин и заграница» в культуре XX в. (И. В. Мотеюнайте, Е. М. Мещерякова).

Н. В. Цветкова

Блок I
«К 75-летию Н. Л. Вершининой»

Вера Яновна Коровина,
Валентин Иванович Коровин,
(Москва)

Ученый, педагог, деятель культуры

С Натальей Леонидовной Вершининой мы познакомились в середине 1970-х годов и с тех пор в течение 50 лет не прерывали нашего общения. Она была человеком, который излучал доброжелательность, и мы были уверены, что с ней невозможно было поссориться и ею нельзя быть недовольными. Наши разговоры касались самых обычных тем, но более всего общих профессиональных интересов.

С первых же дней знакомства мы почувствовали, что перед нами молодой блестящий ученый, обладающий огромными и глубокими знаниями, еще не

защитивший кандидатской диссертации, но которому уже открыто большое и славное будущее. Наталья Леонидовна могла поддержать любую беседу, о чем бы ни заходила речь – о древнерусской литературе и XVIII веке, не только о великих писателях XIX и XX веков, но и довольно скромных авторах того времени. Она следила за современной словесностью, начинающими поэтами, прозаиками и драматургами. Мы подозревали, что она пишет стихи и, может быть, даже пьесы, но сама никогда на это не намекала, а мы стеснялись справиться. Когда впоследствии мы просили ее что-то написать о классической литературе или о современной в школьные или вузовские учебники, отказа никогда не было: вы хотите статью или главу о Булгарине или о Писемском, – пожалуйста, вам нужен Симонов – извольте, издательство просит поместить главу о современной драматургии, например, о Слаповском, вам необходимы Воскресенский, Трилунный, Кропотов, Боборыкин – я готова. И так было всегда. И всегда материал был добротен, продуман и точно, логично, интересно изложен.

Мы всегда видели в неисчерпаемом интересе Натальи Леонидовны к знаниям горячую любовь к жизни, человеку, к познанию их тайн. Отсюда, нам представляется, столь пристально она вглядывалась не только в Пушкина, Л. Толстого, Некрасова, но и в значимые отдельные жанры, в детали стиля, в правописание разных времен. Ее библиография содержит множество исследований, темы которых ранее не поднимались ранее в науке.

Сюда же надо отнести постоянное внимание к преподаванию в университете и в школе. Им тоже профессор Вершинина отдавала много времени и сил, как и краеведению, и литературным местам – памятникам писателям и литераторам.

Среди всего богатого наследия Натальи Леонидовны есть несколько великих имен, с которыми навечно связано ее имя – Пушкин, Л.Толстой, Некрасов. Эти труды стали признанным достоянием нашей литературной науки и нашей культуры. Ярким и светлым лицом их в нашем сознании была и осталась Наталья Леонидовна Вершинина.

Сведения об авторах: Коровина Вера Яновна – доктор педагогических наук, независимый исследователь, e-mail: vkorovin4@gmail.com;

Коровин Валентин Иванович – доктор филологических наук.

**Цветкова Нина Викторовна,
Иванова Наталья Петровна,
(ПсковГУ, Псков)**

Слово о Н. Л. Вершининой

Наталья Леонидовна Вершинина (1951-2019) – учёный с большим научным талантом и потенциалом, широким кругозором и необыкновенной работоспособностью. Свыше 25 лет она возглавляла научную школу, созданную профессором Е.А. Майминым, совмещая должность заведующего кафедрой литературы с научной деятельностью, вузовским преподаванием и

кропотливой работой со студентами, магистрантами, аспирантами. Наталья Леонидовна долгие годы читала лекции и вела спецкурсы и практические занятия, соответствующие современным требованиям высшего профессионального образования на уровнях бакалавриата, магистратуры и аспирантуры: по истории русской литературы XVIII и XIX вв., по риторике, литературному краеведению и др. дисциплинам. Постоянным ее делом был студенческий кружок по литературе, участники которого впоследствии выступали с докладами на научных конференциях, становились ее магистрантами и аспирантами.

В продолжение многих лет под ее научным руководством активно развивались общекафедральные темы: «Изучение проблем современного пушкиноведения» и «"Забытые" и "второстепенные" писатели XVIII–XX веков как явление европейской культурной жизни».

Как ученица Евгения Александровича Маймина, она защитила кандидатскую диссертацию «Пушкинская традиция в творчестве Л.Н. Толстого 1850 — 1860-х годов (К проблеме человека и истории у Пушкина и Толстого)», в которой объединились темы, сближающие ее с учителем. Однако уже в самом начале ее научной жизни ее отличала исследовательская широта: творчество Пушкина, Л. Толстого, Некрасова, Фонвизина, литературное краеведение...

Когда Наталья Леонидовна возглавила кафедру литературы, она тщательно «готовила» новую тему исследования, которая бы объединила всех членов кафедры. Такой темой стали «"Забытые" и "второстепенные" писатели XVIII–XX веков как явление европейской культурной жизни», а затем "забытые" и "второстепенные" критики и филологи, что привлекало на вузовские конференции в Псков многих исследователей в России и за рубежом (в Польше, Латвии, Белоруссии). Продуктивность темы способствовала написанию докторской диссертации Н. Л. Вершининой «Русская беллетристика 1830-х - 1840-х годов. Проблемы жанра и стиля» (1997).

В дальнейшем интерес ее к беллетристике углублялся в обращении к малоизученным авторам не только этого периода. В орбиту исследования входили писатели и поэты разного времени и дарования: Ф. В. Булгарин, А. Ф. Писемский, М. И. Воскресенский, П. Д. Боборыкин, ранний Н. А. Некрасов и др. Некоторые подчас одиозные в традиционном представлении авторы были «открыты» благодаря ее и ее аспирантов исследованиям. Так произошло с Ф. Булгариным. Н.Л. Вершинина выявила такие явления в его творчестве, которые помогают изучению особенностей литературного процесса XIX века, например, показала своеобразие жанра военного рассказа и значение его для Л. Толстого. Она посвятила свои статьи не только рассказам, романам, но и очеркам Булгарина: «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого» (М.: Высшая школа, 2007; вступ. статья, комментарии Н. Л. Вершининой). Проблемы беллетристика расширяли горизонты временные и исследовательские: от проблем жанровых и стилевых Наталья Леонидовна обратилась к вопросам нравоописания в своей новой монографии «Нравописание в русской прозе XIX–XX веков» (2008). Результатом научных изысканий в области романной поэтики писателей «второго ряда» стала

коллективная монография «Забытое» и «второстепенное» в жанре романа XVIII - XX веков (2010), в которой ей принадлежат статьи теоретического характера о романе как явлении беллетристики, о точках схождения классики и беллетристики в определенные моменты литературного развития или о движении романной формы: от ее становления в «Бедной Лизе» к форме романов Булгарина. Ряд этих статей Натальи Леонидовны продолжает ее исследование времени в литературе соцреализма 1950-х гг. на материале произведений Ю. Нагибина и В. Кочетова и других авторов, стихотворений Б. Слуцкого.

В большой степени научный интерес Натальи Леонидовны к творчеству Н. А. Некрасова был связан также с вопросами беллетристики: с особенностями стиля, сатирического изображения в ранней его прозе и т. д., что впоследствии приведет к написанию учебного пособия по спецкурсу (в соавторстве с Мостовской Н.Н.) «Из подземных литературных сфер...»: очерки о прозе Некрасова: Вопросы стиля (1992).

В русле научных общекафедральных школ в продолжение долгих лет по инициативе Н. Л. Вершининой в Пскове регулярно проводились научные конференции, например, в 2004 г. состоялась Международная научная конференция «V Майминские чтения», а в 2015 г. - «VIII Майминские чтения», в 2017 г. дважды прошли «Пушкинские чтения» с участием студентов и преподавателей ПсковГУ.

В поле зрения Натальи Леонидовны долгие годы было Псковское литературное краеведение. В 2003 году в Пскове издана коллективная монография преподавателей кафедры «Псковский край в литературе», концепция которой во многом ею обоснована. Из небольшого очерка о псковском поэте и общественном деятеле А. Н. Яхонтове, опубликованном в ней, она впоследствии написала монографию: «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов (2011). В этой книге использован и впервые введен ею в научный оборот целый пласт ранее не используемых документов (рукописей, писем, воспоминаний потомков и др.), хранящихся в Древлехранилище Псковского музея-заповедника, а главное – в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Псковской региональной культуре, имеющей важное гражданское и воспитательное значение, посвящена общекафедральная монография «Образ псковича в контексте национальной литературы» (отв. редактор Н. Л. Вершинина, 2017), которая была также опубликована в рамках научного проекта кафедры.

Наталья Леонидовна в течение всей научной деятельности была крупнейшим исследователем творчества Пушкина, начиная с первых статей и кандидатской диссертации. Её интересовали разные проблемы пушкиноведения: стиль Пушкина и риторическая традиция, особенности его повествовательного стиля или «завершенность» как онтологический принцип пушкинского стиля и т.д. К 200-летию А. С. Пушкина Наталья Леонидовна стала одним из главных авторов в книге «Пушкин А. С.: Школьный энциклопедический словарь» под ред. В. И. Коровина (1999), а также в двухтомной «Онегинской энциклопедии» под ред. Н. И. Михайловой

(1999, 2004). Постоянный участник пушкинских чтений в Михайловском и в Болдино, она входила в оргкомитеты этих конференций, в редколлегии сборников, являлась членом Пушкинской комиссии ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). По инициативе пушкинского музея-заповедника «Болдино» в 2013 г. вышла в свет ее монография, написанная в соавторстве с польской исследовательницей О. Глукко «Пушкин в движении культуры: проблемы поэтики и творческие параллели». Последний кафедральный проект в жизни Натальи Леонидовны «Пушкин и литературный процесс» был завершен членами кафедры после ее смерти. В коллективной монографии (2019), посвященной ее памяти, опубликована последняя статья Натальи Леонидовны о романе Пушкина, где ее мысль восходит на новые высоты и уносится за новые горизонты, чтобы навсегда остаться с нами.

Сведения об авторах: Цветкова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ; e-mail: tsvetkova48@yandex.ru

Иванова Наталья Петровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ; e-mail: nplechova@yandex.ru

Гуменная Галина Львовна,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижегородский филиал
(Нижний Новгород)

Н. Л. Вершинина – исследователь идилического мира

Доклад посвящён рассмотрению одной из областей филологического наследия Натальи Леонидовны Вершининой (1951–2019) – проблеме становления новых жанровых форм в литературе 1820–1830-х годов и месту идиллии в этом сложном процессе.

Основным объектом научных интересов Н. Л. Вершининой была классика XIX века. Её отличало глубокое уважение к литературе любого уровня, отсутствие высокомерного отношения к авторам «второго» или «третьего» ряда. Отсюда идёт её научное осмысление и введение в научный оборот наследия таких литераторов, как А. Н. Яхонтов, Д. Л. Мордовцев и др., отсюда проблематика возглавляемых ею псковских филологических конференций, посвященных забытым и второстепенным писателям. Внимательное изучение их наследия помогало реконструировать историко-литературный контекст и позволяло увидеть, как писатели второго ряда осваивали и тиражировали художественные открытия классиков, как новация превращалась в традицию и как находки авторов второго плана становились импульсом к обретению новых красок у классиков.

Особое место в научных штудиях Вершининой занимало изучение творчества А. С. Пушкина. Она как бы объединяла в своём лице два центра пушкиноведения – Михайловское и Большое Болдино, не случайно одна из её книг вышла в серии «Монографии участников Болдинских чтений» («Пушкин

в движении культуры: поэтические проблемы и творческие параллели», 2013, написана в соавторстве с польской исследовательницей Ольгой Глывко). Наталья Леонидовна серьезно занималась изучением специфики пушкинского стиля. И осмысление огромного пласта беллетристических произведений современников поэта, делали её наблюдения по-особому убедительными.

Развивая идеи М. М. Бахтина, Вершинина в своих работах показала роль и функции идиллии в процессах становления новых жанровых форм начала XIX века. Идиллия в этот период выступает в разноприродных литературных контекстах и фигурирует в разнонаправленных дискурсах критики (Кс. А. Полевой, Н. И. Надеждин). Она продолжает хранить традиционную форму (идиллии В. И. Панаева, А. А. Дельвига, П. А. Катенина), являть собой замкнутую и статическую структуру, закреплённую строгими поэтическими правилами. Зато непреложны (и всем всегда понятны) её нравственные ценности: человек с корнями, уходящими в глубину жизни природы и народа. Циклическое время идиллического хронотопа выключено из открытого исторического времени и не соотносимо со становящейся романной формой, предполагающей контакт с незавершённой действительностью, но идиллия как мироощущение находит подтверждение в сентиментализме и в широко понимаемых постулатах романтической эстетики.

Анализ нравоописательной прозы 30-х гг. XIX в. (Ф. В. Булгарин, В. Т. Нарезный, Д. Н. Бегичев, молодой Н. А. Некрасов), где видны черты идиллической знаковости, даёт возможность исследовательнице, с одной стороны, вскрыть закономерность обращения литераторов к идиллии и обнаружить нежизнеспособность формирующейся при этом повествовательной конструкции, а с другой – показать формирование принципов *быто-* и *нравописания*, продуктивных для А. С. Пушкина, а затем и Л. Н. Толстого.

Сведения об авторе: Гуменная Галина Львовна — кандидат филологических наук, доцент, приглашенный преподаватель ИИУ «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал; e-mail: glgum6@gmail.com

Блок II **«Изучение Пушкина в науке XXI века»**

Дмитриева Нина Львовна,
ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Баллада о Рыцаре, влюбленном в Деву: к истории замысла пушкинского стихотворения

Рассмотрен биографический контекст изменения редакций пушкинского стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...», первый замысел которого датируется временем не позднее осени 1828 г., как по положению в рабочей

тетради, так и по рисунку стремительно скачущего рыцаря из этой же тетради (ПД 838). Непосредственный книжный источник – второе издание старофранцузских фавлю и романов в собрании Леграна д'Осси, в котором имеется изображение скачущего рыцаря в полном обмундировании. Первоначальный замысел Пушкина не связан с Натальей Гончаровой, но в 1829 г., после неудачного сватовства поэта, стихотворение наполняется автобиографическим смыслом. Возможно, мотив платонической любви Рыцаря к недостижаемому идеалу оказался одной из причин того, что Пушкин не опубликовал стихотворение (вторую его редакцию) в альманахе «Северные цветы», посвященном умершему А. А. Дельвигу (1831 г.). Пушкин дал стихотворению название «Легенда» (так называли агиографические куртуазно-религиозные сочинения), но отнес его к жанру баллады, который серьезно интересовал его в период возникновения замысла о Рыцаре. Осенью 1828 г. он написал две баллады «Утопленник» и «Ворон к ворону летит...» и тогда же начинал заметку «<О поэтическом слоге>», где обращался к вопросу о разных направлениях в жанре баллады. Три пушкинские баллады демонстрируют его отношение к возможности разнообразия жанровых вариаций.

Сведения об авторе: Дмитриева Нина Львовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом); e-mail: ninalvovna@mail.ru

**Дмитриева Екатерина Евгеньевна,
ИМЛИ РАН (Москва)**

«Борис Годунов» А. Пушкина и «Дмитрий Самозванец» Ф. Шиллера

В 1824 г. Пушкин приезжает из Одессы в имение своей матери Михайловское. Начинается его знаменитая Михайловская ссылка. «...ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы; настоящий край вдохновения – и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы», – напишет ему вскоре К. Рылеев. Собственно, о Пскове Пушкин ничего не написал, разве что забавную эпиграмму «Есть в России город Луга...». Но в 1825 г. Пушкину присылают в деревню только что вышедшие тома «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, в которых речь идет о Смутном времени, о воцарении Бориса Годунова, о Гришке Отрепьеве. Пушкин внимательно читает «Историю», делает выписки и особое внимание обращает на сюжет, который до сих пор является загадкой русской истории: убийство в Угличе царевича Дмитрия, в котором подозревали Бориса Годунова. И по сей день историки спорят и выдвигают различные версии за и против возможного участия Годунова в убийстве. Карамзин однозначно делал Б. Годунова виновным, и эта версия ложится в основу драмы, которую Пушкин начинает писать и где пуантом в драматической истории Бориса становятся его слова: «Да, жалок тот, в ком

совесть нечиста» из монолога Бориса Годунова в сцене «Царские палаты».

На самом деле Пушкин не был первым, кто эпоху смуты решал облечь в драматическую форму. К событиям Смутного времени обращались и западные драматурги (Лопе де Вега, А. Коцебу, Ф. Шиллер), и русские. Но характерно, что, как правило, главным героем в них становился не Борис Годунов, а Дмитрий Самозванец, он же Гришка Отрепьев и царь московский Дмитрий Иванович, как это было в частности в незавершенной драме Шиллера «Димитрий Самозванец». Пушкина же интересует Борис Годунов как царь, несправедливо пришедший к власти и пытающийся за годы своего правления искупить преступление, которое народом все равно будет вменено ему в вину.

Тому, как человеческая сущность политического субъекта (кто есть царь? – человек) становится важной составляющей новой антропологии Пушкина и чем его «истинно романтическая трагедия» отличается от исторической драмы Шиллера, посвящен доклад.

Сведения об авторе: Дмитриева Екатерина Евгеньевна — доктор филологических наук, член-корр. РАН, зав. отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН; e-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Сашина Елена Владимировна,
ПсковГУ (Псков)

**«Певец прелестный» (А. С. Пушкин):
штрихи к портрету Жана-Батиста-Луи Грессе**

Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак. (v. 84-89)

Таким изображает А. С. Пушкин французского поэта, уроженца Амьена, Жана-Батиста-Луи Грессе (Jean-Baptiste Gresset, 1709–1777) в лицейском послании «Моему Аристарху» (1815), упомянув произведение, которое круто изменило жизнь французского автора. Действительно, сын почтенного амьенского судейского чиновника, выпускник иезуитского колледжа, ставший послушником и принятый в орден Общества Иисуса, который, по определению Сент-Бева, «был глубоко привязан к жизни в колледже и монастыре, которая была его первым горизонтом и оставалась его постоянным центром внимания» внезапно в 1734 году становится известным как автор «героической поэмы», как было указано на обложке издания, «Вер-Вер или Путешествия попугая из Визитации Невера» (Vert-Vert ou les voyages du perroquet de la Visitation de Nevers, poëme héroïque). Шутливая поэма о путешествии из Визитации, католического монастыря ордена Визитации, попугая Вер-Вера «не менее блестящего, чем Эней, / не менее благочестивого,

более несчастного, чем он» (*non moins brillant qu'Énée, / Non moins dévôt, plus malheureux que lui*), который научился сквернословить, открыла «новый талант из самых неожиданных источников» (Сент-Бев). Три издания этой небольшой поэмы последовали одно за другим, и автор стал невероятно известен: успех был грандиозным, социальное положение автора только добавляло ему очарования. Однако Грессе был наказан, правда, достаточно легко: он был ненадолго отправлен для покаяния в монастырь Визитации города Ла-Флеш (департамент Сарта). Известна оценка кардинала Флери сочинения Грессе, от которого он пострадал: «Сочинение о попугае очень очаровательно <...> но оно совершенно распутное и, несомненно, станет делом для иезуитов, если они от него не избавятся. Весь талант этого мальчика направлен на распутство и самые развратные вещи, а таких гениев невозможно исправить. Самый быстрый и верный способ действий — отправить его прочь, ибо «Церковные новости» восторжествуют над человеком такого характера».

Сведения об авторе: Сашина Елена Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ; e-mail: maranta615.arias@gmail.com

Никитина Динара Маратовна,
ИМЛИ РАН (Москва)

Об авторе рецензии на историческую драму Е. Ф. Розена «Россия и Баторий» в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду»

В докладе рецензия на историческую драму Е. Ф. Розена «Россия и Баторий», опубликованная в 1834 г. в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» под криптонимом Пп и содержащая сопоставление с «Борисом Годуновым» А. С. Пушкина, атрибутируется Михаилу Максимовичу Попову — литератору и чиновнику III Отделения, автору тенденциозной статьи «Александр Сергеевич Пушкин», написанной в 1850-х гг. и вышедшей в 1874 г. в журнале «Русская старина»¹.

В 1833–1834 гг. Попов выступил автором ряда отзывов в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» в рубрике «Русский театр», посвященных сценическим постановкам и драматургическим произведениям. В этих материалах фигура Пушкина часто упоминается и выступает в роли универсального критерия художественной оценки.

В рецензии на драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» Пушкин предстает как основоположник новой русской драматургии, определивший переход к национально окрашенным и эстетически обновленным формам театра.

¹ См. подробно: Березкина С. В. Статья чиновника III отделения М. М. Попова // Русская литература. 2013. № 1. С. 105–110.

В уже упомянутом отзыве о драме «Россия и Баторий» Попов, рассуждая о проблеме литературных заимствований, иронически оправдывает влияние Пушкина на Розена особенностями памяти, но тем самым лишь подтверждает исключительную узнаваемость пушкинского стиля. При этом он выстраивает литературную иерархию, в которой Пушкин оказывается фигурой, чье творчество становится критерием художественной зрелости и мерой оценки современной литературы. Также Попов, признавая, что образ Бориса Годунова у Розена оказался ближе к исторической истине, чем у Пушкина, тем не менее полагает, что поэт вправе отступать от исторической достоверности ради воплощения поэтической идеи, поскольку главное в художественном произведении – не буквальное воспроизведение истории, а реализация авторского замысла и «наслаждение ума».

Анализ рецензий Попова позволяет не только уточнить вопрос об авторстве конкретной публикации, но и расширить представления о литературно-критической среде 1830-х гг., механизмах восприятия Пушкина современниками и особенностях формирования литературных репутаций в русской критике первой половины XIX века.

Сведения об авторе: Никитина Динара Маратовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН; e-mail: acizmexx@mail.ru

Цветкова Нина Викторовна,
ПсковГУ (Псков)

О стихотворении С. П. Шевырева «Послание к А. С. Пушкину»

Стихотворение Шевырева написано в Италии в 1830 г., в его первую поездку за границу. Впервые в советское время в 1937 г. М. И. Аронсон печатает стихи в большой серии «Б-ки поэта»: Д. Веневитинов, С. Шевырев, А. Хомяков, Стихотворения (статьи, редакция и примечания М. Аронсона и И. Сергиевского). Отдельным томом избранные стихотворные произведения Шевырева вышли в 1939 г. в Б. с. «Б-ки поэта» (вступительная статья, редакция и примечания М. Аронсона). В 1972 и в 2009 году большая подборка стихов Шевырева опубликована в большой серии «Б-ки поэта» благодаря трудам В. С. Киселева-Сергенина в издании «Поэзия 1820-1830-х годов» в 2 тт. (Сов. Писатель, 1972. Т.2.). Стихотворные тексты этих сборников и, в частности, «Послания к А. С. Пушкину» стали предметом разборов на долгие годы. Внимание исследователей в послании привлекает ряд проблем. Одна из них касается восприятия самого содержания и направленности стихов: некоторые исследователи увидели в них как восхищение талантом Пушкина, так и скрытое осуждение его поэзии за «гладкость стихов» (Е. А. Маймин, М.

Аронсон, Н. Мордовченко), некоторые посчитали послание манифестом кружка поэтов-любомудров (Г. В. Зыкова, Е. А. Маймин, А. Л. Осповат). Названные исследовали не предполагали пушкинского ответа на стихи Шевырева. Но такие ученые, как Б. С. Мейлаха, Л. О. Зайонц не согласились с этой точкой зрения, считая, что Пушкин в противовес Шевыреву в Болдинскую осень дал свой пример философской лирики («Стихи, сочиненные ночью во время бессоницы»). В. Н. Топоров показал мысль Шевырева о реформе русского стиха в послании на фоне истории древней греческой поэзии, соотнеся со стихами Каллимаха, а также в сравнении пушкинской поэзии с лирикой Боратынского и Тютчева, работавших, по его мнению, на дисгармонизацию русского поэтического языка. Ф. П. Федоров проанализировал тщательным образом смысл, слово, поэтический строй, стилистику, размер и т. д. послания Шевырева и выявил в стихах идеологические выводы о «славянском мессианизме» автора. Идеологические смыслы в стихотворении Шевырева, по мнению, последнего его публикатора И. Вишневского заключала последняя строка, опущенная М. И. Аронсоном сознательно, появившаяся в публикациях

В. С. Киселева-Сергенина в неправильном, по мнению И. Вишневского, прочтении: «Чтоб перешёл за свой родной предел, / И понят был на **вече европейском**». И. Вишневский в 2020 г. издал в серии «Поэт-поэту» стихи Шевырева, написанные в Италии в разные годы. Он опирался на записные книжки Шевырева, хранящиеся в РГАЛИ. Последний стих в публикации Киселева-Сергенина Вишневский прочитал в рукописи поэта так: «И понят был на **почве европейской**». Он считает, что «единственным возможным вариантом заключительной строки оказывается: «и понять быть на почвѣ европейской», что, в отличие от варианта, увидевшего свет в 1972-м году, полностью соответствует историко-политическим взглядам Шевырева». Несомненно, что в стихотворении Шевырева заключено много тем и смыслов. В первую очередь, нужно говорить, что послание Шевырева подобно филологическому исследованию по истории русского литературного языка: от Ломоносова к Державину («гремел под бурю водопада»), Карамзину, «Историю...» которого сменила «лужа» (выпад против Н. Полевого и его «Истории русского народа»). Роль Жуковского в создании литературного языка связана со стихами войны 1812 года («Певец во стане русских воинов»). Наконец, в современности роль в обновлении языка принадлежит Пушкину: «Ты русских дум на все лады орган! / Помазанный Державиным предтечей / Наш депутат на Европейском вече; / Ты - колокол во славу россиян!» В послании Шевырев говорит о том, что обсуждалось в кружке любомудров, мечтающих стать в просвещении «достойными европейцами», и о чем в 1826 году в статье «О состоянии просвещения в России» Д. В. Веневитинов писал: «истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения. У нас язык поэзии превращается в механизм <...> Скажу более: у нас чувство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования». Любомудры

хорошо знали, что дух народа выявляется в языке, и посредством языка он не только познаётся, но и конституируется. Так считал В. фон Гумбольдт, писавший: «Звуковая форма – это та форма, которая создана языком для выражения мысли. Но её также можно представить и как некий каркас, в который как бы встраивается язык». Как мне представляется, «Послание к А. С. Пушкину» говорит о самом Шевыреве, Языкове и о Пушкине как поэтах, кто может дать России тот язык, благодаря которому в современности она выразит особенности национальной культуры и просвещения, о чем речь шла и в итальянских стихах Шевырева 1829-1831 гг. Его мысль о России в соизмерении с Европой справедливо определил И. Вишневский, прочитав в этом же ключе последний стих послания. Вместе с тем шевыревское «Послание к А. С. Пушкину» содержит программу, служению которой он посвятит свою жизнь.

Сведения об авторе: Цветкова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ; e-mail: tsvetkova48@yandex.ru

Муравьева Ольга Сергеевна,
ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Каролина Павлова: драма женщины-поэта.

Судьба и творчество Каролины Павловой (в девичестве Яниш) рассматриваются как драматическая история женщины, которая не просто писала стихи, но претендовала на роль профессионального поэта, что многими ее современниками воспринималось со скепсисом. Между тем, она обладала действительно выдающимися литературными способностями; в совершенстве зная несколько иностранных языков, переводила с немецкого, английского, французского языка самых разных поэтов. Ее блестящие переводы во многом заложили основу русской переводческой школы. Личная жизнь Каролины не складывалась, роман с Адамом Мицкевичем, вопреки ее ожиданиям, не завершился замужеством. В 29 лет, став после смерти дяди богатой невестой, она приняла предложение известного литератора Н. Ф. Павлова. Позже он признавался, что «женился на деньгах», но поначалу относился к жене с уважением. Супруги создали литературный салон, который охотно посещали известные поэты и писатели. К несчастью, из Каролины не получилось «царицы салона»: ее облик и манера поведения описываются мемуаристами чаще всего с иронией и недоброжелательством. Возможно, Каролина в самом деле слишком навязчиво демонстрировала свои знания и дарования, хотя, например, Нестору Кукольнику это легко прощалось. Но Каролина Павлова не укладывалась в привычные образы ни поэтессы, ни светской женщины, ни хозяйки семейного дома. Вероятно, и сама она чувствовала противоречивость своего положения. Она искренне хотела

быть примерной женой и заботливой матерью, но слишком сильна была ее тяга к литературному труду. С 1839 г. ее стихи начинают печатать ведущие журналы и альманахи. Однако ее положение в литературно-общественной ситуации 1840-50-х гг. крайне уязвимо. В это время противостояние славянофилов и западников достигло уровня враждебного неприятия друг друга. Занять в этой схватке нейтральную позицию было практически невозможно. В оценках произведений Павловой отчетливо проявляются разные идейные позиции критиков. В общественном мнении закрепилось приращение Павловой к лагерю славянофилов, хотя ее позиция не была столь однозначна. Семейная жизнь Каролины катастрофически рушится: супруг ей открыто изменяет, проигрывает в карты огромные суммы. Отец Каролины обратился за помощью к генерал-губернатору А. А. Закревскому. У Павлова нашли много запрещенной литературы, он был заключен в долговую тюрьму, а затем выслан в Пермь, где провел 9 месяцев. Каролина оказалась в роли злой жены, расправившейся с мужем по политическим мотивам, и на нее обрушилась лавина негодования со стороны западников. Неприязнь к личности Каролины и ее общественной позиции проявилась в крайне пристрастных и недоброжелательных оценках ее творчества. Между тем, стихи Павловой – яркая страница русской поэзии XIX в. Ее стихи о поэте и поэтическом творчестве выделяются своей оригинальностью и экспрессией даже на фоне стихов Пушкина и Баратынского. «Поэт» Павловой не отмечен характерными женскими чертами, вероятно, и себя саму она считала не поэтессой, а поэтом, равноправным в ряду предшественников и современников. В любовной лирике Павловой («утинский цикл»), отношения мужчины и женщины раскрываются в новом для ее времени и неожиданном ракурсе. Это отношения равных, основанные на духовной и интеллектуальной общности. Каролина Павлова не была по достоинству оценена при жизни, умерла она в Германии в одиночестве и нищете. Архив ее, видимо, был утрачен. Внимание к ней возобновилось лишь в 1900 г.: стихи и поэтические эксперименты Павловой оказались во многом близки поэтам «серебряного» века.

Сведения об авторе: Муравьева Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). e-mail: olga_muraveva@list.ru

П. А. Вяземский и М. Н. Лонгинов. История отношений

Доклад воспроизводит историю знакомства и последующих отношений, сложившихся между известным библиографом, мемуаристом, поэтом М. Н. Лонгиновым (1823 – 1875) и ближайшим другом А. С. Пушкина поэтом П. А. Вяземским (1792 – 1878), основываясь на их переписке конца 1850 – 1860-х гг. Для обоих это время в определенном смысле было переломным. Лонгинов – в молодости сочинитель непристойных эротических стихотворений и пародийных поэм – в 1840-х гг. входил в круг «Современника» (Н. А. Некрасов, И. И. Панаев, А. В. Дружинин). Будучи (в 1849-1854 гг.) чиновником Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, а после (1854-1862) – чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе А. А. Закревском, имел устойчивую репутацию либерала и противника консервативных взглядов. В 1860-х гг. он отдаляется от «Современника», где все большую роль играли идейно и лично ему чуждые Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, и резко выступает против нигилизма и нигилистов. Наиболее мощное его противостояние «молодому поколению», нападавшему на него как на гробокопателя, приходится на период, к которому и относится его переписка с П. А. Вяземским и, соответственно, начало их активного общения.

Для Вяземского, который был старше своего корреспондента на 31 год, это было время подведения жизненных и творческих итогов, и ностальгическое воспоминание о том Золотом веке русской литературы, активным участником которого он был. «Все сверстники мои давно уж на покое», – напишет он в 1872 г., но ощущение это очевидно преследует его и ранее. Заняв на короткий срок (в 1855 г.) пост товарища министра народного просвещения и одновременно возглавив Главное управление цензуры, он в 1858 г. уходит в отставку, заявив, что предпочитает бороться с цензурой как писатель, а не как её начальник, и с 1863 г. в основном пребывает за границей.

В 1861 г. в Петербурге торжественно празднуется 50-летний юбилей его литературной деятельности, ставший ареной схватки «революционных демократов» и литераторов старшего поколения. Лонгинов, будучи секретарем возродившегося после двадцатилетнего перерыва Общества любителей российской словесности при Московском университете, становится одним из самых искренних защитников поэзии Вяземского, а вместе с ним и того этапа русской литературы, который мы привычно называем пушкинским периодом. Он читает стихи Вяземского на заседаниях Общества, публикует в газете «Новое время» (1860) содержательную рецензию на вышедший в 1859 г. в Карлсруэ сборник стихотворений Вяземского «За границею». В напечатанной в «Русском вестнике» (1861) статье «Из современных записок. II. Толки и недоразумения», Лонгинов возражает критику «Отечественных записок», утверждавшему, что «стихи

князя Вяземского следовало бы помещать в каком-нибудь французском, а не русском журнале», и пишет о народности поэзии Вяземского, ставя ее в один ряд с «народными» баснями Крылова». В завязавшейся по инициативе младшего корреспондента переписке возникает идея издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома» (1862), вдохновителем, редактором и издателем которого становится Лонгинов.

Сведения об авторе: Дубровский Александр Владимирович – кандидат филологических наук, научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), e-mail: avdubrovsky@inbox.ru

Разумовская Аида Геннадьевна,
ПсковГУ (Псков)

Поэтическая рефлексия образа А. С. Пушкина в контексте царскосельской мифологии

Объектом исследования являются стихотворения русских лириков XIX-XXI вв., посвященные Царскому Селу. В перечне имен творцов «Города Муз» (Э. Голлербах), наряду с императорами и архитекторами, представлены поэты, среди которых Пушкин занимает лидирующее положение. В «царскосельском коде» одним из ведущих мотивов является мотив духовного взросления Пушкина-лицеиста и воплощение в слове его творческой сущности. Основу мифологизации Пушкина заложили как друзья и сверстники поэта (П. Вяземский, В. Кюхельбекер), так и младшие выпускники Царскосельского лицея (Я. Грот, В. Зотов) или бывавшие в Царском Селе С. Стромилов, А. Апухтин. Они представили образ Пушкина в двух ипостасях – пророка и ребенка, задумчивого и беззаботного (Грот), одинокого в юности и зрелости (Апухтин). Его избранность подчеркивалась сопричастностью музам (у Грота: «цвел вдохновенный Каменами отрок», у Стромилова: «звуками цевницы / Наш Пушкин тешил ореад»). Наделенный отроческим статусом (Апухтин назвал его «курчавым мальчиком»), юный лицеист предстал обладателем вещего дара: «Отрок с огненной печатью, / С тайным заревом лучей / Вдохновенья и призванья / На пророческом челе...» (Вяземский). Его сопровождают романтические определения «наш певец», «певец любимый», «отрок славы», «жрец духовный», «взор орлиный», «полет орлиный» и др. Возвышенная риторика, передающая преклонение перед гением Пушкина, являясь данью романтической традиции, сохранилась во многом и в последующие литературные эпохи. Начиная с К. Фофанова, предшественника модернизма, в облике юноши-мечтателя появляются узнаваемые портретные детали («Загар лица, курчавый пух ланит»), вводится мотив чтения книг («Из рук упал раскрытый Цицерон»), акцентируется внимание на предчувствии вдохновения («Рассеянно к скамье подходит он», «Поэт поник и – что-то напевает») и радости

творчества («И вот, смеясь, набросил на листе / Послушный станс невинной красоте»). Решающая роль в мифологизации образа Пушкина принадлежит А. Ахматовой, которая объединила характеристики, данные предшественниками: Гротом, назвавшим Пушкина «отроком», Вяземским, отметившим его арабский нрав («в молодой груди кипели / Страсти Африки твоей») и восприимчивость к миру («Чуткий отрок затрепещет, Молча сердце даст ответ, / И в молодых глазах заблещет / Поэтический рассвет»), и Фофановым, у которого сочинитель в Пушкине побеждает читателя. Ее образ «смуглого отрока» в литературной перспективе станет устойчивой метафорой пушкинской «арапской» природы, его творчества («строфы смуглые» у О. Берггольц) и памятника Пушкину-лицеисту («Арапчонок смуглый и курчавый» у В. Рождественского, «чугунно-смуглый» памятник лицеисту у Б. Ахмадулиной и др.). В последующей царскосельской поэзии (С. Горный, Г. Эристов, В. Андреев и др.) акмеистически точно переданное Ахматовой состояние творческого уединения лицеиста («Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов», «Здесь лежала его треуголка / И растрепанный том Парни»), отсылая к пушкинским строкам о приближении стихов, стало общим местом (у Эристова, например, строки «рассеянno глядит / На пожелтевшие страницы» передают творческое смятение поэта). Одним из устойчивых мотивов является чтение юношей-лицеистом стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» в присутствии Г. Державина. Если П. Вяземский и поэтесса русского зарубежья Л. Нелидова-Фивейская отметили этот момент передачи поэтической эстафеты в возвышенно-романтическом духе («он певца благословил», «И слуха чуткого достиг / Стих вдохновенного поэта»), то поэт-царскосел Т. Гнедич изобразила Пушкина непоседливым и шаловливым «кудрявым мальчиком», с легкостью завоевавшим поэтические высоты: «Вскарабкавшись, как школьник на леса, / На крутогорье отроческой славы, / Подросток сероглазый и вертлявый / Произносил литые словеса». Поразившие всех и особенно – состарившегося Державина стихи подтверждают мысль о зарождении в лицейской «колыбели» поэтического гения, божества: «Ему внимал, взъерошив волоса, / Державный бард Фелицыной державы / И прорицал над головой курчавой / Олимпа золотые небеса». Единичные случаи демифологизации Пушкина (А. Городницкий, В. Кривулин, отчасти А. Кушнер), выводя его фигуру из атмосферы почитания, выражают сочувственное отношение к поэту, внутреннюю близость его личности, стремление разрушить «хрестоматийный глянec».

Сведения об авторе: Разумовская Аида Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ; e-mail: razumov.ag@yandex.ru

**Статья о Пушкине Дмитрия Святополк-Мирского: к проблеме
рецепции творчества поэта**

Парадоксальный мыслитель, литературовед и публицист русского зарубежья Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890-1939, репрессирован) был одним из наиболее значительных исследователей творчества Пушкина. Ему принадлежит заслуга открытия феномена Пушкина для англоязычной аудитории². Участник Первой мировой войны и белого движения, он с 1920 года находился в эмиграции до своего возвращения в Москву в 1932 году, с 1921 по 1932 год жил в Лондоне, где читал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета и защитил магистерскую диссертацию о творчестве Пушкине (1926). Кроме того, он был автором статей и книги о Пушкине (1926), а также двух томов истории русской литературы, в одном из которых подробно рассматривал биографию и творчество Пушкина (1927). В 1928 году он написал статью о Пушкине на французском языке для французского издания повести «Выстрел» в журнале «Commerce» (*Commerce*. 1928. Cahier XVI. P. 83–97). В этой статье Мирский анализирует причины, по которым творчество Пушкина, обожествляемое в России, не вызвало никакого отклика в Европе. Главной причиной Мирский называет отсутствие «славянских добродетелей»: он не мистичен, не варвар, очищен от всякой экзотики, не близок ни к Богу, ни к Природе, ни к Подсознательному. Пушкин создал художественный мир целомудрия и сдержанности, живущий по законам морали и логики, определяемых Мирским как «неэвклидова этика». «Аполлоническое» творчество поэта остается чуждым европейскому читателю, так как к его персонажам нельзя применить критерии психологического правдоподобия, они действуют внутри закрытой системы их родной повести: «вне этой связи их поступки не имеют никакого смысла и не поддаются никакой интерпретации». Еще одной особенностью стиля Пушкина является отсутствие метафор, что отделяет его от романтической традиции. Размышления Мирского о творчестве Пушкина составили яркую страницу российской и мировой пушкинистики.

Сведения об авторе: Ариас-Вихиль Марина Альбиновна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Архива А. М. Горького ИМЛИ РАН; e-mail: marina.arias@mail.ru

² Подробнее об этом см.: Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский. Пушкин (1928) /пер. с франц. М.А. Ариас-Вихиль // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. №2. С. 65-75. Далее статья Мирского цит. по этому изданию.

Наследие А. С. Пушкина в зеркале французской славистики (XXI век)

Доклад посвящен исследованию противоречивого статуса А. С. Пушкина и его художественного наследия в современной французской славистике. Отправной точкой размышлений является публикация двух изданий различной поэтической и идеологической направленности, а именно: книга исследовательницы В. Фёйбуа «Нужно ли сжечь Пушкина?» (2025) и «Словарь влюбленного в творчество Пушкина» (2025) известного переводчика А. Марковича. Книга В. Фёйбуа примечательна тем, что позволяет выявить целый спектр вопросов, связанных с именем А. С. Пушкина и его статусом в русском литературном поле:

- геополитический контекст (противостояние Восток / Запад, холодная / горячая война);
- историко-национальное измерение (империя и колонии, центр и периферия);
- методологический пласт.

В последние десятилетия французские слависты – и французские историки литературы в целом – стремятся разработать новую эпистемологическую парадигму, отказаться от линейности и пирамидальности в вопросе создания и написания (транс)национальных историй литературы. Основными литературоведческими инструментами в таком случае становятся: транснациональный подход к литературе, междисциплинарный подход (социология, живопись, кино), а также гендерные исследования. В таком случае стремление «сжечь Пушкина» равнозначно деконструированию Большого литературного канона, деканонизированию гения с тем, чтобы сделать видимым малое, маргинальное, забытое (творчество писательниц, массовая литература, художественные тексты различных этносов).

Словарь А. Марковича преследует цели совершенно противоположные. Он создан скорее для широкого круга читателей и включает в себя статьи, посвященные произведениям писателя («Пиковая дама», «Повести Белкина»), персоналиям (Айвазовский, Ахматова, Александр I, Байрон, Блок), предметам (шампанское, лампочка), ключевым концептам и понятиям культуры (цензура, культ). Пушкин вновь обретает свою многомерность, читатели возвращаются к семантической многослойности и поэтической глубине его творений. Поэтические открытия и человеческое измерение в литературе снова выступают на первый план.

Сведения об авторе: Маричик-Сьоли Юлия Александровна — кандидат филологических наук/PhD, старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН; e-mail: jouliamaritchik@mail.ru

**Мотеюнайте Илона Витаутасовна,
Мещерякова Елена Максимовна,**

ПсковГУ (Псков)

Эволюция мифологемы «Пушкин и заграница» в культуре XX в.

Предметом анализа стало освоение темы «Пушкин и заграница» русским общественным сознанием. Она не стала устойчивым элементом биографического нарратива о Пушкина, однако привлекала внимание историков литературы (П.В. Анненкова, М.А. Цявловского, С.Н. Дурылина, Л.И. Вольперт, В.Ю. Козмина, Ю. Дружникова, В.А. Кошелева), а также писателя А. Битова и художника Р. Габриадзе. Интерпретационные акценты в освещении этой темы зависели от социального и политического контекста эпохи и от выбираемой авторами научной (претендующей на объективность) или беллетризованной (условной по определению) формы высказывания. В массовой культуре эта тема практически не отражалась, поскольку плохо сочеталась и с официальным, и с народным восприятием Пушкина как главного национального поэта. Однако для интеллигенции советской эпохи представляла интерес и развивалась под влиянием экстралитературных обстоятельств. Биографические и поэтические свидетельства о стремлении Пушкина выехать из России сложились в течение XIX – XXI в. в мифологему «о жажде Пушкина вырваться за пределы России»³. Сначала она аккумулировала личностные черты поэта: его любопытство, любовь к путешествиям, открытость «всем впечатлениям бытия», его свободомыслие и свободолюбие. Затем постепенно политизировалась и приобрела смысл сопротивления самодержавию; этот смысл транслировался особенно активно в 1920-е – 1940-е гг. в академических трудах, в просветительском нарративе и в беллетристике. Параллельно и особенно в позднюю советскую эпоху в рамках темы заграницы пушкинское свободолюбивое противостояние самодержавию оказалось созвучно разным формам несогласия с советской идеологией: и позиции «внутренней эмиграции» и фактической эмиграции. К концу XX в., в постсоветскую эпоху, мифологема осваивается в чисто художественной форме альтернативной истории, которая позволяет авторам-постмодернистам наградить великого поэта исполнением его желания выехать из России и путешествовать по миру. Игровая форма произведений (пьеса Л.И. Вольперт «Семь дней в Дерпте», пьеса для кукольного театра В.Ю. Козмина «Пушкин в Венеции», книга А. Битова и Р. Габриадзе «Метаморфоза») показала трансформацию иерархии в отношениях публики – культурный герой: первая проявляет свою любовь к кумиру уже с позиции власти.

Сведения об авторах: Мотеюнайте Илона Витаутасовна — доктор

³ Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов. Автореф. ... д. филол. н. М., 2011. С. 16.

филологических наук, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ; e-mail: ilona_motya@mail.ru

Мещерякова Елена Максимовна – студентка направления «Филология» ПсковГУ; e-mail: mescheryacova.lena2509@mail.ru

Стрельникова Наталия Данииловна,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова

К вопросу о современном прочтении А. С. Пушкина (вариативность кино– и театральных постановок)

Доклад посвящен рецепции классического произведения в кино и современном театре на примере романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Дан краткий обзор обращения к роману в стихах кинематографистов, начиная от первой экранизации 1911 г. (реж. В. Гончаров) и фильма-оперы 1958 г. (реж. Р. Тихомиров, киностудия «Ленфильм») до фильма «Онегин» (реж. М. Файнс, Великобритания–США) и версии 2024 г. с тем же названием (реж. С. Андреасян, Россия).

Подробнее анализируются три оригинальные театральные постановки XXI века, позволяющие взглянуть на классический роман из века нынешнего. Первая из них – театральнo-концертная версия «Онегин» в исполнении группы «САМи» – Содружество Актеров Музыкантов и... (режиссер Наталья Семенова). Четыре актера (С. Чонишвили, Д. Страхов, И. Пегова, С. Шнырев) *читают* роман, с купюрами, но дополняя пушкинский текст ироничными комментариями, неожиданными замечаниями, эпиграммами Пушкина. Декорации отсутствуют, используются видео- и аудиовозможности, звучит музыка, наполненная ритмами XXI века (композитор А. Айги и ансамбль «4'33»). Постановка Н. Семеновой является неким новым жанром, в котором соединены классическая литература, театр, музыка с элементами танца и сценического движения.

Спектакль «Онегин–Блюз» (реж. М. Цитриняк) еще более далек от традиции: роман в стихах сочетается с игрой на саксофоне. Старый жанр – театр одного актера (А. Гуськов) – прерывается и дополняется игрой и импровизацией артистов, солирующих в других видах искусства: опера, балет, блюз на саксофоне, классический струнный квартет. Спектакль изобилует режиссерскими находками и неожиданными сценическими решениями. А. Гуськову удастся не только передать все оттенки пушкинского произведения вербально – лиризм, сарказм, ирония, драматизм, сентиментальность – но и вовлечь в свое виртуозное прочтение романа зрительный зал. Сценография аскетична, но непринужденность подачи поэтического материала, наполненность сценического действия метафорами, символами, смелыми композиционными поворотами,

склонность артистов к импровизации превращает постановку Цитриняка в *живой организм*, снова подчеркивая органичность соединения разных жанров, прежде всего, синтез музыки и поэзии.

Пожалуй, самой талантливой интерпретацией романа Пушкина стал спектакль Римаса Туминаса «Евгений Онегин» (театр им. Е. Вахтангова, 2013, премии «Золотая маска», «Хрустальная Турандот» и др.). Главной героиней является Татьяна, Онегин явлен в двух образах – молодым и умудренным опытом – в исполнении двух разных артистов, Ленских тоже два. В спектакле много новаций, символов, метафор (серебристые качели в сцене знакомства Татьяны с князем), иногда буквальный перевод поэтического высказывания Пушкина на язык драматургии и гротеск одновременно (вереница кувшинов с брусничной водой, обнаженный торс Ленского в сцене дуэли).

Для всех перечисленных театральных постановок характерны максимально бережное отношение к пушкинскому тексту и смелость трактовок. Разнообразие авторских прочтений классического произведения Пушкина есть лучшее свидетельство того, насколько А. С. Пушкин и его роман в стихах многогранны, актуальны и сколь современно и своевременно они звучат в XXI веке.

Сведения об авторе: Стрельникова Наталия Данииловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова; e-mail: tashastrel@mail.ru